

Годъ изд.

XXV.

Рижскія Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два
раза въ мѣсяць:
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца.
Цѣна **пять** руб.
въ годъ съ пере-
сылкою.

№ 11.

1 іюня 1912 г.

ПОДПИСКА

принимается въ
редакціи: **г. Рига,**
Малая Замковая
ул. № 13, кв. 2.
Телеф. № 40-49.

Отдѣлъ оффициальный.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ опредѣленія Святѣйшаго Синода, въ 11-й день мая сего года, на яхтѣ «Штандартъ», въ бухтѣ «Новый Свѣтъ», *Всемиловѣйше* соизволилъ на награжденіе, за 50 лѣтнюю усердную службу Церкви Божіей, золотою медалью съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ на Александровской лентѣ, псаломщика Сасмакенской Іоанно - Предтеченской церкви Ивана Курземнѣка.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, по представленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, *Всемиловѣйше* соизволилъ пожаловать, къ 6 мая сего года — высокаторжествен-

ному дню рожденія Его Императорскаго Величества, 1) серебряною медалью, для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ, учителя Аренсбургской братской приходской школы Алексѣя Адерса; быв. учителя Леллеской вспомогательной школы Якова Кыргесаара; 2) золотою медалью, для ношенія на груди на Аннинской лентѣ — учительницу Везенбергской приходской школы Пелагею Пименову и старость церквей: Лаздонской Троицкой — Ивана Озолына и Феллинской Иоанно - Предтеченской — Евфимія Романцева; 3) серебряною медалью для ношенія на груди на Станиславской лентѣ — старосту Иоанновской на о. Эзелѣ Свято - Троицкой церкви Александра Русса.

Епархіальныя извѣстія.

Жаграждєхъ Его Высокопреосвященствомъ набедренникомъ священникъ Каббальской Петро-Павловской церкви Θεодоръ Троицкій, за примѣрно-ревностное пастырское служеніе и попеченіе о храмѣ Божіемъ.

Его Высокопреосвященствомъ выражена благодарность съ призываніемъ Божія благословенія за вѣдывавшему Логозскимъ приходомъ, заштатному Протоіерею Іоанну Лебедеву, за пастырское попеченіе о Логозской паствѣ и доброе въ ней дѣланіе.

Уволенъ отъ епархіальной службы, согласно прошенію, псаломщикъ Рижской Петро-Павловской церкви Александръ Подрядчикъ 15 мая.

Перемѣщенъ къ Рижской Петро-Павловской церкви, согласно прошенію, псаломщикъ Карьяласмаской церкви Константинъ Перфильевъ 15 мая.

Предоставлено мѣсто псаломщика при Юроской церкви учителю Англаской вспомогательной школы Антонію Рауку 23 мая.

Имѣются бакантныя мѣста: діакона при Гольдингенской Св. Покровской церкви; **псаломщика** при церквахъ — Либавской жел. дор., Галлистской, Каббальской, Иллукто-монастырской, Эйхенангернской, Ангернской, Гольдингенской, Малупской, Лемзальской, Черносельской, Николаевской, Менценской, Лайксарской, Оберпаленской, Лембургской, Стомерзейской, Фестенской, Суйслейпской, Мяемызской, Карьяласмаской и Венденской.

Архіерейскія служенія.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанномъ, Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ, совершены слѣдующія Богослуженія:

10 мая, въ четвергъ, въ храмѣ Алексіевскаго мужск. мон. Архипастырѣ за всенощнымъ Богослуженіемъ выходилъ на величаніе Св. равноапост. Кириллу и Меѳодію.

11 мая, въ пятницу, въ день Св. равноапост. Кирилла и Меѳодія Высокопреосвященный Іоаннъ въ кафедральномъ соборѣ отслужилъ литургію и молебенъ Св. равноап. Кириллу и Меѳодію.

Того-же дня въ 5 час. вечера, въ храмѣ Алексіевскаго муж. мон. Архипастырѣ совершилъ всенощное заупокойное бдѣніе по парастасу.

12 мая, въ субботу Троицкую родительскую, въ томъ-же храмѣ Высокопреосвященный Іоаннъ совершилъ заупокойную литургію съ произнесеніемъ слова, а послѣ оной вселенскую панихиду.

Того-же дня, наканунѣ Св. Троицы, въ 6 час. вечера въ кафедральномъ соборѣ Архипастырѣ торжественно совершилъ всенощное бдѣніе съ литіей, елеопомазаніемъ и величаніемъ.

13 мая, въ праздникъ Пятидесятницы, тамъ же Архипастырь торжественно совершилъ Божественную литургію, за которой награжденъ палицею протоіерей Меднисъ, а послѣ оной вечерню.

Того-же дня, въ 6 час. вечера Высокопреосвященный Іоаннъ въ храмъ Свято-Троице-Сергіева женск. мон. совершилъ всенощное бдѣніе съ литіей, величаніемъ и елеопомазаніемъ, по окончаніи онаго произнесъ слово назиданія и отслужилъ молебенъ съ запѣвами празднику, преп. Сергію Радонежск. и Іоанну Лѣствичнику.

14 мая, въ понедѣльникъ, въ день Святаго Духа и Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы въ кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ торжественно совершилъ Божественную литургію и Царскій молебенъ.

18 мая, въ пятницу, въ храмъ Алексіевскаго мужск. мон. Архипастырь совершилъ панихиду, литургію съ назидательнымъ словомъ и молебенъ Св. Троицѣ и Св. Мученикамъ и Мученицамъ.

Того-же дня, въ томъ же храмѣ въ 5 час. вечера Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ на утрени прочиталъ акаѣистъ Св. Троицѣ.

19 мая, въ субботу, въ г. Митавѣ въ 3¹/₂ час. пополудни Высокопреосвященнѣйшій Іоаннъ изъ Митавскаго собора послѣдовалъ крестнымъ ходомъ на вокзалъ для встрѣчи Чудотворной Иконы Божіей Матери Якобштадтской; принявши прибывшій Чудотворный Образъ, Архипастырь крестнымъ-же ходомъ возвратился въ соборъ и совершилъ торжественно всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѣиста предъ Св. Иконой.

20 мая, въ воскресенье, въ 9¹/₂ час. Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь въ томъ-же соборѣ совершилъ торжественно Божественную литургію и молебенъ предъ чудотворной иконой Божіей Матери Якобштадтской.

Послѣ часового перерыва крестный ходъ съ Иконою Божіей Матери Якобштадтской, во главѣ съ Высокопреосвященнѣйшимъ Архипастыремъ и богомольцами отправился въ Спасо-Преображенскую Пустынь.

На пути въ Пустынь было четыре остановки съ чтеніемъ акаѳиста предъ чудотворной иконою Божіей Матери Якобштадтской, по прибытіи въ Пустынь Архипастырь совершилъ торжественно всеобщее бдѣніе на открытомъ воздухѣ.

21 Мая, въ понедѣльникъ, въ храмѣ Спасо-Преображенской Пустыни Архипастырь совершилъ Божественную литургію и молебень съ хожденіемъ вокругъ монастырскаго храма.

Послѣ часового перерыва крестный ходъ съ Иконою Божіей Матери Якобштадтской во главѣ съ Архипастыремъ и богомольцами обратно возвратился въ г. Митаву.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи П. Соколовъ.

Отдѣлъ неофициальный.

Какое значеніе для нравственной жизни имѣетъ вѣра въ Иисуса Христа, какъ въ Божочеловѣка, распятаго нашего ради спасенія на Голгофѣ.

Мнѣ думается, — я не преувеличу, если скажу, что очень и очень немногіе въ наше время знаютъ и понимаютъ, какая тѣсная, глубокая и неразрывная связь существуетъ между православнымъ ученіемъ и христіанскою жизнью, между догматомъ и моралью. Кажется, безвозвратно прошло то золотое время въ исторіи христіанской церкви, когда подвижники вѣры знали, зачѣмъ они шли въ ряды христіанскихъ послѣдователей. Вѣра и нравственность шли у нихъ рука объ руку, и тотъ или другой способъ религіознаго мышленія былъ вмѣстѣ и знаменемъ цѣлаго уклада жизни и дѣятельности. Теперь, напротивъ, находятъ, что нравственность — это дитя религіи — выросло изъ пеленокъ, можетъ стоять на своихъ ногахъ, а потому совсѣмъ не нуждается въ контролѣ и опека со стороны своей матери. Современный представитель культурнаго общества гонитъ религію изъ своей жизни и убѣжденій, намѣренно старается освободить душу свою отъ религіознаго чувства. Даже среди русскаго общества, богатаго когда-то живыми свѣтильниками вѣры и благочестія, не мало найдется такихъ, для которыхъ религія составляетъ уже не глубокую основу жизни и дѣятельности, а тотъ внѣшній декорумъ, отъ котораго какъ-то неудобно, неприлично, пожалуй, опасно отказаться. Если у нихъ и существуютъ еще кое-какія вѣрованія, то или въ видѣ дорогихъ воспоминаній далекаго дѣтства, невыношеннаго наслѣдства отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, или еще чаще всего въ качествѣ совершенно оторванныхъ отъ ихъ внутренней жизни *поэтическихъ чувствъ*, пригодныхъ развѣ для сантиментальныхъ разговоровъ въ часы досуга, или для утѣшенія въ тяжелыя минуты семейныхъ утратъ. Христіанскія убѣжденія, политыя кровью мучениковъ и исповѣдниковъ, понижены, т. об., ослаблены, низведены на степень какого-

то завѣдомо терпимаго суевѣрія, или невинной мечты для себя, неспособной идти далѣе міра человѣческой фантазіи и оказать болѣе или менѣе замѣтное вліяніе на нравственную культуру общества.

Однако, этого мало. Поразительное большинство ученыхъ моралистовъ нашего времени и именно изъ числа такъ называемыхъ «лучшихъ умовъ Европы», не ограничиваясь простымъ заявленіемъ, что религія безразлична для нравственности, перешли въ явную оппозицію къ христіанству, заявляя всюду, что христіанскія истины полны нравственныхъ несовершенствъ и что въ области христіанства, нѣтъ ничего твердаго и устойчиваго. — Они поставили себѣ цѣлью навсегда порвать съ ненавистнымъ имъ христіанскимъ догматомъ и принести это законное выраженіе религіозной истины въ жертву такъ называемой независимой нравственности, обреченной на нравственное безсиліе. — Казалось-бы въ поэзіи — этомъ правдивомъ описаніи людской дѣйствительности — можно было ожидать возвращенія умовъ къ живому Христу и Его религіи, но и въ художественномъ изящномъ творчествѣ такое ожиданіе не всегда оправдывается. Виновникомъ разочарованія является здѣсь, между прочимъ, и Л. Толстой, которому подражали романисты Россіи, Франціи и даже Германіи. Толстой является не просто проповѣдникомъ независимой отъ религіи морали, но и упорно старается доказать, что христіанскіе догматы прямо разрушаютъ всякую нравственность. Противопоставленіе добродѣтели догматамъ и нравственное безразличіе послѣднихъ становится темой не для писателей только, но и для постоянныхъ разговоровъ въ обществѣ, среди учащагося юношества, при томъ не въ видѣ робкаго недоумѣнія, какъ прежде, а въ видѣ дерзкаго и настойчиваго запроса.

Спѣшите, заявляютъ со всѣхъ сторонъ, спасти нравственность при наступающемъ крушеніи религіи. Религія падаетъ съ каждымъ днемъ и въ своемъ паденіи увлечетъ за собою и нравственность. Если вы упрямо сковываете религію и нравственность въ одно цѣлое, связываете во едино ихъ общую судьбу, то скоро вы подвергнете нравственность такому-же отвращенію и запущенію, на которыя видитъ себя обреченною религія.

Дикіе запросы непокорныхъ сердецъ требуютъ отъ богослововъ подробнаго и обстоятельнаго раскрытія нравственнаго содержанія христіанскихъ догматовъ не въ смыслѣ только тѣхъ отдаленныхъ «нравственныхъ приложений догмата», которыя приводятся въ нашихъ курсахъ, а въ смыслѣ указанія тѣхъ нравствен-

ныхъ идей, которыя по самому существу своему содержатся въ томъ или иномъ догматѣ и безъ него потеряли бы всякую значимость.

I.

Размѣры чтенія не позволяютъ мнѣ коснуться здѣсь всѣхъ христіанскихъ догматовъ и прослѣдить ихъ нравственное значеніе. Я остановлюсь поэтому только на догматѣ о Христѣ,—Искупителѣ грѣшныхъ, — и постараюсь разъяснить, какая нравственная польза для каждаго сознательнаго послѣдователя христіанства въ томъ, что онъ исповѣдуетъ Иисуса Христа истиннымъ Богомъ, распятымъ за насъ на Голгоѣѣ, — и это исповѣданіе считаетъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій своего и общаго всѣхъ спасенія. Не трудно опредѣлить побужденія, заставившія меня остановиться на этомъ именно отдѣлѣ вѣроученія. Христіанская религія — религія искупленія и креста, какъ ее называютъ по преимуществу, не отдѣлима отъ личности Основателя и Личность Искупителя — отъ самаго искупленія.

Между личностью Иисуса Христа и Его дѣломъ существуетъ особенно-тѣсная связь, какой мы не наблюдаемъ въ другихъ случаяхъ, по отношенію, на примѣръ, къ великимъ людямъ, или религіознымъ реформаторамъ древности. Со Христомъ дано намъ все христіанство и какъ истина, и какъ жизнь; вотъ почему исповѣданіе вѣры въ Иисуса Христа, Сына Божія, равносильно исповѣданію всей христіанской догмы и является какъ-бы ея сокращеніемъ; Христіанство отсюда не доктрина, не рядъ или сумма идей и отвлеченныхъ умозрительныхъ истинъ, а прежде всего историческій фактъ спасительнаго явленія Бога во плоти для искупленія міра. Въ этомъ явленіи двѣ стороны; съ одной стороны оно есть внѣшній объективный фактъ, поскольку и Иисусъ Христосъ есть личность, засвидѣтельствованная исторіей, — съ другой оно и внутренній психологическій процессъ поскольку со Христомъ принесена намъ новая жизнь и поскольку задача церкви и состоитъ именно въ томъ, чтобы передавать изъ рода въ родъ эту зачавшуюся со Христомъ жизнь передавать то, что не передается никакимъ словомъ, никакимъ письменемъ, а лишь непосредственнымъ общеніемъ личностей. Какъ внѣшній историческій фактъ христіанство усваивается и принимается путемъ объективно-научнаго историческаго его изученія. Какъ внутренній субъективный процессъ новой жизни о Христѣ Иисусѣ, оно воспринимается живымъ

познаніемъ Христа, личнымъ усвоеніемъ Его спасительнаго дѣла, вѣрою въ Него и Его дѣло по благодати Божіей.

Въ виду такого важнаго значенія познанія Христа и постояннаго духовно-нравственнаго единенія съ Нимъ мы и взяли за сильный отвѣтъ на вопросъ, почему Искупителемъ и Спасителемъ нашимъ долженъ быть непременно Богъ, почему не безразлично въ нравственномъ смыслѣ, признавать-ли Иисуса Христа только нравственнымъ героемъ въ исторіи, гениемъ добра на землѣ, или видѣть въ немъ высшее откровеніе Божественной жизни, — Богочеловѣка — Христа и притомъ Страдальца, объемлющаго cadaго изъ насъ Своею сострадательною любовью? Являясь азбучными для живой, нравственно-чуткой, исполненной благоговѣйной любви, религіозности древнихъ христіанъ, поставленные вопросы оказались слишкомъ туманными для маловѣрующихъ сыновъ современности, сбитыхъ съ толку двухвѣковыми прививками западныхъ рраціоналистическихъ бредней. Печальное знакомство съ Баурами, Штраусами, Ренанами, затратившими неимоверную массу труда, чтобы унижить Христа и лишить людей христіанства, не убѣдило ихъ въ томъ, что отрицатели Божества Иисуса Христа не могутъ сохранить во всей чистотѣ представленіе объ Его совершенствѣ и святости и, какъ слѣдствіе этого, позволяютъ себѣ неразборчиво-легкое отношеніе къ Его Евангелію, выбирая изъ послѣдняго только то, что можетъ потворствовать ихъ страстямъ. Дѣйствительно, никто другой, какъ именно этотъ прославленный кумиръ Эрнестъ Ренанъ, не убѣждаетъ такъ въ томъ, что Спасителя можно признавать только Богомъ, а если не признавать этой истины, то жалкимъ утопистомъ, обманщикомъ — другого выхода нѣтъ. И Ренанъ вовсе не желаетъ останавливаться предъ этой дилеммой. Своему Иисусу, бывшему когда-то восторженнымъ мечтателемъ, желавшимъ облагодѣтельствовать весь міръ, онъ навязываетъ на концѣ его неудачной исторіи потворство баснямъ народа о Его чудесахъ, дешевое искательство у народа напрасныхъ симпатій, считаетъ Его фанатикомъ, упавшимъ съ Своей первоначальной высоты до сдѣлокъ съ жизнью и совѣстью. Читая книгу Ренана въ началѣ, такъ и думаешь, что вотъ-вотъ услышишь: «Ты—Христось Сынъ Бога живаго!...», а вмѣсто этого встрѣчаешь на концѣ предательское: «радуйся, іудейскій учителю!» Все время вы были какъ-будто послѣдователемъ Христа и апостоломъ... и вдругъ, въ концѣ концовъ, вы какъ будто потеряли Христа, перестали благоговѣть предъ

Нимъ, сдѣлались Іудею — предателемъ. Сила Ренановой иллюзіи въ томъ и состоитъ, что читатель незамѣтно и невольно, какъ бы во снѣ, или въ гипнозѣ, изъ ученика постепенно превращается въ предателя, изъ искренняго и вѣрующаго апостола въ измѣнника и клеветника. Вы какъ будто присутствовали при незамѣтномъ въ глубинѣ ночи предательскомъ поцѣлуѣ и подобно ап. Петру, полусознательно и внѣ себя, хватаетесь за мечъ... критики и обличенія... Но уже поздно; предатель выдалъ Христа на поруганіе врагамъ, вы поддались обману и вамъ ничего не остается, какъ смѣть нечистоту своего очарованія горькими слезами раскаянія.

Допустимъ, однако, что и не признавая истины о божествѣ Иисуса Христа, я въ состояніи буду вообразить Его совершеннымъ человѣкомъ, настроеніе котораго восторжествовало надъ міромъ и воля котораго осталась непричастной грѣху: какую-же нравственную силу я могу тогда почерпать отъ Него? какое право сохраняю на то, чтобы называть Его своимъ Спасителемъ? Нѣмецкіе мыслители-пантеисты, а за ними и нашъ Л. Н. Толстой отвѣчаютъ на это, что Иисусъ Христосъ, какъ святой человѣкъ, какъ живой конкретный нравственный идеалъ есть наилучшій предметъ для подражанія въ разныхъ сомнительныхъ случаяхъ жизни, давшій право вѣрить въ возможность жить свято; въ этомъ смыслѣ Христосъ и есть Спаситель людей.

Но если Христосъ — человѣкъ, то нужно прежде всего доказать, почему идеалъ открылся въ Немъ одномъ и ни въ комъ болѣе, нужно психологически объяснить генезисъ развитія Христа до степени моральнаго совершенства и безгрѣшности Спасителя, а до тѣхъ поръ не видно внутренней необходимости для соединенія идеала съ личностью Галилейскаго Иисуса. Кромѣ того, если природа произвела однажды совершенное созданіе, то опять нѣтъ основаній, почему бы совершенный человѣкъ не явился во второй разъ, или не являлся прежде Христа. Вѣдь сознаніе грѣха и потребность въ искупленіи всегда существовала на ряду съ потребностью нравственнаго совершенства и безусловными заповѣдями разума, повелѣвающаго осуществленію идеала. Очень возможно, что при теперешнемъ, столь высококомъ, настроеніи умовъ явится одинъ или даже много людей, несравненно лучшихъ, чѣмъ Иисусъ Христосъ, которые съ еще большимъ правомъ примутъ названіе спасителей и искупителей человѣчества. Толстой не имѣетъ никакихъ основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. От-

сюда слѣдуетъ, что *единымъ* Спасителемъ нашимъ, *единымъ* Ходатаемъ Иисусъ Христосъ можетъ быть только въ томъ случаѣ, если мы вѣримъ въ Него, какъ истиннаго Бога. Безъ этой вѣры Его нравственное значеніе для насъ очень мало возвышается надъ значеніемъ любого нравственнаго героя и даже можетъ уступать нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. тѣмъ, которые ближе къ намъ по своему положенію, по характеру, по условіямъ жизни, а потому съ большимъ удобствомъ могутъ быть для насъ предметомъ подражанія въ томъ или др. смыслѣ.

Обращаясь къ условіямъ нашего нравственнаго развитія или совершенствованія, мы тоже найдемъ, что послѣднее безусловно неотдѣлимо отъ живой вѣры въ Иисуса Христа, *какъ Бога*. Но чтобы никому не показалось, что самую нравственную жизнь нашу мы будемъ описывать не по существу, а съ желаніемъ указать вліяніе на нее этой вѣры, мы изложимъ ея условія словомъ мыслителя, отрицавшаго Божество Иисуса Христа и значеніе этого догмата для морали; разумѣю знаменитаго Канта, самаго безпристрастнаго и самаго искренняго изъ нѣмецкихъ философовъ. Оставляя въ сторонѣ его разсужденія о независимой нравственности, мы приведемъ лишь тезисы, опредѣляющіе по нему переходъ человѣка отъ зла къ добру. Переходъ этотъ, говоритъ Кантъ, не можетъ произойти въ человѣкѣ безъ боли. Чувство внутренняго разлада и обновленія причиняетъ страданіе, тѣмъ болѣе мучительное, что истребляемая злая склонности воли пустили глубокіе корни въ природѣ человѣка и обратились въ привычку. Сталкиваясь между собою, различныя чувства (ужасъ о прежнемъ грѣхѣ и радость обновленія) причиняютъ то высочайшее страданіе, какое только можно себѣ представить. Это скорбь несравнимая ни съ какой другой скорбью. Конечно, эти мысли для православнаго христіанина азбучныя, но для Запада, затемнившаго понятіе о христіанскомъ подвигѣ, это самое великое, до чего дошла его иѳика, настолько великое, что громадное большинство послѣдующихъ моралистовъ не только не могло усвоить эту истину, но не сѣумѣло даже освоиться съ нею. Итакъ, Кантъ утверждаетъ, что переходъ къ добру есть непременно «умираніе ветхаго человѣка (его распятіе со страстьми и похотьми); какъ самое болѣзненное изъ всѣхъ страданій, оно есть вмѣстѣ тѣмъ совершенное обновленіе сердца и принятіе настроенія Сына Божія, въ свое собственное руководительное правило жизни».

Гдѣ-же найти намъ постоянное побужденіе къ тому, чтобы не только работать надъ своимъ нравственнымъ развитіемъ, но и примиряться съ тѣми страданіями, которыя здѣсь неизбѣжны? Страданіе — предметъ отвращенія для естественнаго человѣка; почти вся жизнь его вѣдь въ томъ лишь и состоитъ, что онъ предлагаетъ заботы къ заботамъ о томъ, какъ бы избавиться отъ страданій. Счастье, возможное на землѣ благополучіе, — вотъ что является цѣлью человѣческихъ желаній и стремленій, ключемъ нашихъ мыслей и чувствованій, причиною нашихъ радостей и печалей, источникомъ наслажденій. А тутъ говорятъ человѣку, чтобы онъ радовался въ скорбяхъ, чтобы хвалился невзгодами. «Въ мірѣ скорбни будете» — слышимъ мы отъ Спасителя; «многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царство Божіе» — говорятъ апостолы. Не ихъ ли проклинали отцы и матери, видя дѣтей своихъ, растерзываемыхъ на части за имя Христово? не христіанская ли совѣсть дѣлаетъ всякаго грѣшника мученикомъ, связываетъ cadaго въ пользованіи жизненнымъ пиромъ? Видѣли вы икону Маріи Египетской — этого живого скелета, почти обнаженной старухи, голодной и палимой пустыннымъ зноемъ и еще болѣе сожигаемой страшнымъ внутреннимъ горемъ, горемъ раскаянія? Евангеліе убажываетъ изгнанныхъ, опозоренныхъ и избитыхъ, зоветъ всѣхъ на тѣсный путь, которымъ идутъ немногіе, требуетъ отвергнуться себя и самую жизнь свою возненавидѣть, предвѣщаетъ горе богатымъ, пресыщеннымъ, смѣющимся и тѣмъ, о которыхъ всѣ люди говорятъ доброе. Слѣдовать такому ученію не значитъ ли идти наперекоръ своей себялюбивой природѣ: чѣмъ же вы побудите меня къ этому?

Кантъ, а за нимъ, можетъ быть, и вы скажете, — во мнѣ есть зачатки другой природы — духовной, сорадующейся истинѣ и добру. Конечно, такъ — но если я буду поступать по истинѣ ради только послушанія этому голосу, когда его слышу, то вѣдь совершенно по той же логикѣ я долженъ повиноваться порочнымъ страстямъ, когда ихъ требованія надвигаются на мое сознаніе. Злая природа, для побѣды надъ которой нужно распять себя, гораздо сильнѣе во мнѣ, чѣмъ природа добрая и слѣдовать этой послѣдней естественный человѣкъ поэтому не можетъ и не захочетъ.

«Чтобы вдохновиться представленіемъ искомаго нравственнаго идеала, утверждаетъ нѣмецкій мыслитель, мы должны только представить послѣдній реально осуществившимся, и тогда безъ труда мы будемъ восторгаться этимъ прекраснымъ образомъ, который

такимъ образомъ и будетъ для каждаго изъ насъ и для всѣхъ вообще истиннымъ спасителемъ». Видите, какъ легко спастись въ фантазіи нѣмецкаго автора; достаточно найти для этого вдохновляющій примѣръ; остается только дивиться, отчего такъ мало спасающихся, когда сотни миллионовъ ознакомлены съ примѣромъ жизни Спасителя.

Справедливо, конечно, что представленіе такого человѣка, нравственный обликъ Его умиляетъ и воодушевляетъ мой духъ, ибо насколько найденный безгрѣшный Мессія могъ вдохновить Нафанаила и Закхея, настолько одно созданное фантазіей представленіе о возможности идеальнаго человѣка въ жизни едва ли окажется пригоднымъ хотя бы для сантиментальныхъ ощущеній въ минуты досуга, а ужъ никакъ не для опоры въ борьбѣ со зломъ жизни. Святаго мужа ждали пророки и отчасти философы, его искали невинные страдалцы и проповѣдники покаянія, но только мужа дѣйствительнаго, отнѣ познаваемаго, а не фиктивнаго. Вооружить человѣка противъ его собственныхъ страстей, которымъ онъ издавна служилъ, озарить сердце его любовью къ ближнимъ, примирить со смертью и дать надежду на увѣнчаніе по смерти не можетъ выдуманный типъ совершенства. Но здѣсь еще далеко не все, что нужно для человѣка въ его полномъ моральномъ совершенствѣ, ибо одно дѣло — умиляться и любоваться, другое — подражать. Когда ради подражанія Христу я долженъ идти противъ своей природы, противъ общества, исторіи, и идти на крестъ, то святость Иисуса Христа для невѣрующаго въ Его Божество сейчасъ-же начинаетъ тускнѣть, представляться чѣмъ то условнымъ, быть можетъ весьма приличнымъ для самаго Иисуса, но совершенно неприложимымъ къ устройству современной намъ жизни. Иисусъ могъ быть святымъ, но какъ Онъ, обладатель такой гениальной и нравственно-одаренной природы, убѣдить и меня грѣшнаго, что мнѣ тоже присужденъ путь этой нравственной чистоты? Недаромъ мудрый Никодимъ говорилъ Иисусу, что возродиться такъ же невозможно, какъ войти снова въ утробу матери; недаромъ іудеи твердили, что Онъ обольщаетъ народы. Пусть Христосъ зоветъ меня къ себѣ, призываетъ къ борьбѣ съ міромъ, но и міръ манитъ меня своими прелестями, онъ тоже мнѣ сроденъ и, кажется, болѣе сроденъ, чѣмъ само Евангеліе.

Дѣйствительно, помимо внутренней борьбы съ самимъ собою, христіанинъ ежедневно принужденъ бываетъ дѣлать выборъ между

Христомъ и міромъ, который враждебенъ избранному пути совершенства. Міръ, правда, не любитъ и сплошного порока и злобы, но еще болѣе ненавидитъ воплощенную добродѣтель и избиваетъ ея послѣдователей. Міръ проникнуть грѣхомъ въ самыхъ основныхъ законахъ органической жизни, представляющей собою себялюбивую борьбу за существованіе, — въ теперешнемъ устройствѣ нашего сладострастнаго тѣла и мстительной гордой души, въ исторіи человѣческихъ обществъ и даже въ устройствѣ семействъ: вездѣ себялюбіе, похоть и гордость. Подвижникъ совершенства, самъ еще далеко не свободный отъ соуслажденія злу, встаетъ противъ всей этой громады зла, имѣя за собой только примѣръ Иисуса Христа и Его сравнительно немногихъ послѣдователей (притомъ вѣровавшихъ въ Его божество). Не ясно-ли, что онъ, постоянно колеблющійся между міромъ и Иисусомъ Христомъ, только тогда проникнется терпѣніемъ въ своемъ подвигѣ, когда къ его вѣрѣ въ тѣсное единство съ нимъ Христа по природѣ присоединится сознаніе того, въ какомъ отношеніи стоитъ его Спаситель съ враждебнымъ для добродѣтели міромъ, только въ томъ случаѣ пойдетъ противъ міра, «осудитъ міръ», если будетъ вѣровать, что Христосъ выше міра по слову Апостола: «кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, яко Иисусъ есть Сынъ Божій» (Іоан. V, 5). Итакъ, чтобы быть нашимъ Спасителемъ, Христосъ долженъ быть выше природы и міра, долженъ быть истиннымъ Богомъ. Это нужно, повторимъ, для того, чтобы во имя Его отрицать міръ, противорѣчить ему; а чтобы объединить это противорѣчіе съ міромъ въ высшемъ духовномъ единеніи съ нимъ, чтобы возлюбить обновленный Имъ міръ, нужно вѣрить, что міръ въ теперешнемъ его состояніи — не истинный сотворенный Богомъ Его храмъ, но оскверненный и искаженный злой волей людей, что Словомъ онъ созданъ былъ совершеннымъ и безъ Слова не начало быть ничто, что начало быть.

II.

Предыдущія соображенія показали, что при условіяхъ нашего нравственнаго развитія, дѣйственное значеніе примѣра и слова Христа можетъ простираться только на тѣхъ изъ Его послѣдователей, которые сознательно исповѣдуютъ Его Богомъ, но и такая дѣйственность еще далеко не достаточна для того, чтобы возвести

людей на крестъ жизни и дать имъ силы нести этотъ крестъ; — для этого нужно принять и усвоить, пережить ученіе о Христѣ-Искупителѣ.

Мы уже говорили, что къ мучительнымъ страданіямъ нравственнаго подвижничества больное и испорченное грѣхомъ существо человѣка не можетъ быть подвигнуто никакими отвлеченными разсудочными соображеніями. Для этой цѣли въ меня должна вселиться другая жизнь безгрѣшнаго Существа, хотя и святаго, но не чуждаго мнѣ, котораго я могъ бы сдѣлать достояніемъ своей собственной личной жизни. Такая жизнь — Христось, а сила, соединяющая Его со мною, не что иное, какъ сострадающая ко мнѣ любовь Его и участіе въ Его благодатныхъ таинствахъ. Тайна божественной жизни открылась въ Немъ не въ неприступномъ величіи, которое только устрашало подзаконнаго человѣка, а въ образѣ страждущей любви. Конечно, Христось близокъ намъ въ тайнѣ воплощенія, какъ живущій общею съ нами жизнью, но подвигъ безвиннаго страданія Богочеловѣка-Христа доводитъ эту близость до степени самой тѣсной любви, доходящей до полнѣйшаго самопожертвованія. Сострадающая любовь — по преимуществу любовь. Кому не извѣстно, какъ сближаетъ между собою двоихъ людей даже единичный случай теплаго участія, проявленнаго однимъ въ духовно-нравственной нуждѣ другаго. Продолжительная общая радость никогда не сблизитъ такъ людей, какъ минувшее общее горе. Но когда это, любовное участіе къ чужому бѣдствію соединяется съ значительнымъ самопожертвованіемъ, взаимная любовь должна еще болѣе возрасти. Теперь представьте себѣ, не при помощи только разсудочнаго анализа, не однимъ воображеніемъ, но всѣмъ существомъ своимъ, при непремѣнномъ участіи сердца, представьте себѣ Святѣйшаго Сына Божія, глубоко скорбящаго всѣмъ Святымъ своимъ Богочеловѣческимъ существомъ о всей той безднѣ грѣховъ, которыми человѣчество удалило себя отъ полноты духовно-нравственной жизни въ единеніи съ Богомъ, представьте себѣ всю ту боль, какую вызвалъ въ Немъ какъ каждый частный случай грѣха, такъ и весь въ цѣльности глубокой контрастъ между Его безконечною святостью, какъ идеаломъ человѣческой жизни, и наличною развращенностью человѣчества, — пусть каждый почувствуетъ эту близость Сына Божія въ своемъ собственномъ сердцѣ и вы поймете, что тѣсная по природѣ связь Сына Божія и человѣчества возводитъ Его крестомъ на такое

прочное религиозно-нравственное основаніе для духовной жизни, что ее не могут расторгнуть никакія земныя ни человѣческія, ни адскія силы.

Въ лицѣ Своего возлюбленнаго Сына Богъ открывается чело-вѣку уже не чуждымъ судьей, а любящимъ отцемъ, другомъ и бра-томъ. Ради исполненія его воли христіанинъ готовъ пожертвовать всѣмъ, перенести всѣ невзгоды, испить до дна чашу страданій, испитать холодъ, голодъ, нужду, скорбь, тѣсноту, опасность и мечъ. «За тебя умерщвляютъ насъ каждый день, говоритъ апостоль, считаютъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе, но все сіе преодо-лѣваемъ силою возлюбившаго насъ». Случилось-ли вамъ видѣть чело-вѣка, существенно измѣнившаго свою жизнь послѣ прежнихъ пороковъ? Каковы бываютъ причины подобныхъ превращеній? Едва-ли мы впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ: религиозныя, притомъ всегда почти соединенныя съ испытаніемъ тяжелыхъ жиз-ненныхъ потрясеній, ослабившихъ ветхую природу грѣшнаго чело-вѣка. Тамъ-же, гдѣ эти сопровождающія условія обращенія были положительнаго, а не отрицательнаго характера, онѣ заклю-чались, конечно, въ томъ, что съ порочнымъ чело-вѣкомъ сбли-зился, душевно сроднился какой-либо чистый, любящій, умный другъ. Подобные благіе перевороты бываютъ, напр., послѣ же-нитьбы, или по возвращеніи въ нѣжную и любящую семью роди-телей. Въ дружбѣ порочнаго чело-вѣка съ нравственно-чистымъ и любящимъ мы видимъ не простое подражаніе, а прямо усвоеніе, прививку нравственныхъ силъ отъ одного другому. Внутренняя жизнь одного незримо переливается въ жизнь другаго и преобра-зуетъ ее въ самомъ корнѣ, — въ характерѣ и привычкѣ. Живя одною жизнью съ любящимъ другомъ, порочный чело-вѣкъ нахо-дитъ въ себѣ дотолѣ небывалую силу побѣждать злыя привычки, казавшіяся ему раньше неодолимыми. Ему теперь кажется, — и не напрасно, — что душа его борется со зломъ не одиноко, но вмѣстѣ, въ союзѣ съ душой его друга; вмѣсто одной доброй силы, у него теперь двѣ.

Такое благотворное въ нравственномъ подвигѣ сліяніе душъ возможно, какъ мы уже сказали, только подъ условіемъ состра-данія. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ даже въ обыденной жизни можетъ переламываться порочная воля чело-вѣка подъ вліяніемъ другой воли, увидимъ, что дѣйствующею си-лою является здѣсь не столько разсудочная убѣдительность фило-

софа, не краснорѣчіе проповѣдника, не столько даже добрый примѣръ учителя, сколько исходящая изъ сердца сострадательная любовь друга, — та любовь, которою такъ полонъ былъ блаженный Павелъ, восклицавшій: «дѣти мои! для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, пока не изобразится въ насъ Христось»: это, особенно знакомое скорбнымъ матерямъ и любящимъ женамъ глубокое переживаніе въ душѣ своей всѣхъ паденій любимаго чело-вѣка, — вотъ что заключаетъ въ себѣ тайну духовнаго воздѣй-ствія на грѣшную душу. Кто владѣетъ ею, тотъ, по выраженію Апостола, — соработникъ у Бога на Его нивѣ (I Кор. III, 9). А если такъ, то слѣдовательно истинный нашъ нравственный возро-дитель, истинный добрый пастырь нашъ — есть Богъ, Христось, со-страдающій каждому чело-вѣку, простирающій ко всѣмъ Свои объятія и говорящій: о, сколько разъ Я хотѣлъ собрать васъ, какъ насѣдка собираетъ птенцовъ подъ крылья (Мат. 23, 37), — Онъ, объщавшій во вѣки пребывать среди Своихъ учениковъ и гово-рившій новозавѣтному Тайнозрителю: «вотъ Я стою у двери и стучу, если кто услышитъ Голосъ Мой и отворитъ дверь, Я войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною» (Ап. III, 20). Высшую степень состраданія къ грѣхамъ всѣхъ людей Господь по-казалъ въ саду Геѳсиманскомъ, когда началъ томиться ими въ такой степени, что просилъ Отца Небеснаго освободить Его отъ этого томящаго чувства и «услышанъ былъ за благоговѣинство», какъ говоритъ апостоль, ибо явился ангелъ и укрѣплялъ Его.

Подъ какимъ-же условіемъ могу я воспользоваться этою скорбью Спасителя о грѣхахъ людскихъ? Конечно, лишь подъ условіемъ той увѣренности, что и я, лично я, былъ и есть заключенъ въ мысли и сердцѣ скорбѣвшаго о моихъ грѣхахъ Христа. Только въ этомъ случаѣ, когда я убѣжденъ, что Онъ видитъ меня, прости-раетъ незримо ко мнѣ Свою поддерживающую десницу, объемлетъ меня Своею сострадательною любовью, только подъ этимъ усло-віемъ Онъ дѣйствительно мой Спаситель, вливающій въ меня новыя нравственныя силы, «научающій руцѣ мои на брань» (Пс. 17, 35) со зломъ, не чуждый мнѣ, не историческій только примѣръ добро-дѣтели, а часть моего существа, или вѣрнѣе — я часть Его естества, причастникъ божескаго существа, какъ говоритъ апостоль. По-нятно, что такое вмѣщеніе въ своемъ сердцѣ всѣхъ личностей че-ловѣческихъ могъ создать въ себѣ только всевѣдущій и всеблагый Богъ. Такимъ образомъ, мы снова приходимъ къ прежнему вы-

воду, что Спасителемъ людей можетъ быть только Богъ, приобщающійся естества нашего, т. е. Богочеловѣкъ и притомъ Страдалецъ, поселяющійся въ насъ Своей сострадательною любовью.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ данъ со креста всему человѣчеству великій урокъ, который особенно не мѣшало бы твердо помнить всѣмъ служителямъ возрожденія, пастырямъ и учителямъ, ревнителямъ общаго блага, реформаторамъ общественной нравственности, оставившимъ идею о самоотверженіи и старающимся начертать такого рода порядки, гдѣ-бы злу положено было возможно прочное принудительное ограниченіе. Всѣми подробностями Голговской драмы Божественное Откровеніе учитъ тому, что силою принудительнаго порядка никогда не создать нравственнаго подъема въ обществѣ, что только личный крестный подвигъ общественныхъ дѣятелей является источникомъ общаго блага, великой общественной силой, могущей вызвать нравственное обновленіе общества. Другими словами, оно учитъ тому, что возрожденіе отпадшихъ, раскаяніе грѣшныхъ, умягченіе злыхъ сердець, смиреніе гордыхъ душъ, — однимъ словомъ, то чудное измѣненіе человѣка, раскрытіе его внутренней неземной красоты, свидѣтелями которой бывають по большей части духовники, да миссіонеры, достигается не иначе, какъ путемъ страданій и ими-же снова сопровождается. Такъ и сказалъ апостоль, «смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ» (2 Кор. 4, 12). Насколько въ ежеасныхъ страданіяхъ измученнаго скорбящаго сердца вымираетъ естественная жизнь проповѣдника или пастыря, настолько-лишь и только такимъ путемъ насаждается жизнь духовная въ слушателяхъ, въ паствѣ, во исполненіе словъ Христовыхъ: *егда вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ.*

Полагаю, — теперъ достаточно показано нами нравственное значеніе важнѣйшаго христіанскаго догмата, — и намъ остается только выразить пожеланіе, чтобы эта великая православная истина о Христѣ Искупителѣ, такъ богатая своимъ нравственнымъ смысломъ, все глубже и глубже проникала въ сознаніе современнаго общества и, оставаясь постоянно могучей и властной воспитательной силой, освящала небеснымъ свѣтомъ всю его жизнь, раскрыла передъ нимъ необозримую полноту и безконечность Божественной любви, вернула его къ свѣтлымъ грезамъ и порывамъ его небесной природы и наконецъ, примирила съ «крестомъ благодатныхъ страданій», заставивъ видѣть въ нихъ вѣрный путь къ свѣтлой высокой цѣли.

Сарат. Дух. Вѣстн. Въ сокращ.

Священническое благословеніе (по Библии).

Еще въ Ветхомъ завѣтѣ сказано: *И сказалъ Господь Моисею говоря: скажи Аарону и сынамъ его: такъ благословляйте сыновъ Израилевыхъ, говоря имъ: Да благословитъ тебя Господь и сохранитъ тебя! Да призритъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ и помилуетъ тебя! Да обратитъ Господь лице Свое на тебя и дастъ тебѣ миръ. Такъ пусть призываютъ имя Мое на сыновъ Израилевыхъ, и Я благословлю ихъ.* (Числ. 6, 23—27). Изъ сего ясно видно, что благословеніе священническое очень важно, полезно и нужно въ дѣлѣ спасенія нашего, когда Самъ Господь Богъ съ такою заботливостію, истинно отеческою, не только заповѣдуетъ его Аарону и сынамъ его для сыновъ израилевыхъ, но и научаетъ ихъ, какъ должно преподавать его. *Сиче благословите сыны Израилевы, глаголетъ Господь, да возложатъ имя Мое на сыны Израилевы,* — вотъ внѣшній образъ сего благословенія и вмѣстѣ указаніе на внутреннюю силу онаго; *сія да глаголютъ благословляя,* — вотъ внутренній составъ того же благословенія, и *Азъ Господь благословлю* благословенныхъ ими, — вотъ безцѣнный плодъ сего благословенія!

Итакъ сила сего благословенія заключается въ имени Божіемъ, возлагаемомъ на благословляемыхъ, и въ молитвенномъ призваніи именуемаго. Блага, доставляемые имъ, указаны здѣсь только въ общихъ выраженіяхъ — сохраненія, просвѣщенія, помилованія, освященія и мира; но этими общими и немногими, впрочемъ весьма многозначительными, словами объемлетъ вся полнота безчисленныхъ даровъ, премудрости, благости и провидѣнія Божія.

Замѣчательно при томъ, что всѣ дары сіи въ словахъ заповѣди Божіей о благословеніи священническомъ, конечно, не безъ особенной причины раздѣлены на три разряда и отнесены какъ-бы къ тремъ дѣйствующимъ лицамъ, которыя, впрочемъ, соединяются въ одномъ имени «Господь» да *сохранитъ тя*, сказано, *Господь да просвѣтитъ и помилуетъ тя, да воздвигнетъ лице свое на тя и дастъ ти миръ.* Кто, при небольшомъ даже углубленіи во внутренній смыслъ сихъ словъ, въ семъ раздѣленіи и въ то же время соединеніи не откроетъ довольно яснаго для очей вѣры намека на Пресвятую, живоначальную и нераздѣльную Троицу? Кто здѣсь въ Господѣ, благословляющемъ и сохраняющемъ не узнаетъ Бога Отца, Создателя и Промыслителя вселенной; въ Господѣ просвѣ-

шающемъ и милующемъ — *Бога Сына*, Который, по свидѣтельству Евангелиста и Богослова, есть *свѣтъ, Который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ мѣръ*. (Иоан. 1, 9); въ Господѣ освящающемъ и умиротворяющемъ — *Бога Духа Святаго*, Который, какъ духовный огонь, вся очищаетъ, и освящаетъ такъ Духъ любви Отчей, *изливаетъ въ сердца наши любовь*, дерзающую вопіять къ Отцу небесному: *Авва Отче* (Рим. 5, 5; 8, 15), и *миръ Божій, Который выше всякаго ума* (Рим. 4, 7)?

Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что ветхозавѣтные первосвященникъ и священники преподавали свое благословеніе во имя Бога тріединого, хотя самое таинство троичности лицъ въ Божествѣ постигали немногіе только истинно вѣрующіе, и то не болѣе, какъ сквозь зеркало — гаданіемъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ, одинъ есть благословляющій всяческая — Христосъ Господь (Ефес. 1, 3): Онъ отъялъ отъ земли проклятіе, наведенное на нее преступленіемъ Адамовымъ, окропивъ ее Своею безцѣнною и всеосвящающею кровію съ крестнаго жертвенника. Онъ *искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою*, ибо въ Писаніи сказано: *проклятъ всякъ, висящій на древѣ* (Гал. 3, 13). Онъ одинъ, *снисшелъ во адъ, и восшелъ на высоту*, превыше всѣхъ небесъ (Ефес. 4, 9, 10), *дабы предъ именемъ Иисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10), *сѣде одесную престола величества на высокихъ* (Евр. 1, 3), и оттуда *далъ разнообразные и безчисленные дары человѣкомъ* (Ефес. 4, 9); а между ними благодать примиренія съ Богомъ и благодать освященія Духомъ Святымъ, безъ коихъ никакое благословеніе невозможно и недѣйствительно. Словомъ, въ Немъ одномъ, — всегда чистый, обильный и вѣчно неизсякаемый источникъ благословенія.

Ибо нѣтъ по словамъ апостола Петра, другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, кромѣ имени Иисусова, которымъ надлежало бы намъ спастись. (Дѣян. 4, 12), — слѣдовательно нѣтъ также и иного имени, кромѣ имени Христова, о немъ же подобало бы намъ благословиться, — если говорю, *Богъ, Отецъ благословившій насъ*, по Апостолу, *всякимъ благословеніемъ духовнымъ въ небесахъ*, благословилъ и благословляетъ не иначе, какъ о Христѣ (Ефес. 1, 3), ибо единъ есть, по свидѣтельству того же Апостола, *посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Иисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ*. (1 Тим.

2; 5, 6), то естественно къ имени Бога тріединого, указанному въ заповѣди Божіей для благословенія священниковъ ветхозавѣтныхъ надлежало присоединить въ благословеніи священства новозавѣтнаго всеблагословляющее имя Христа Спасителя.

И это новозавѣтною Церковію дѣйствительно учинено, такъ что въ нашемъ благословеніи нынѣ встрѣчается и досточтимое имя пресвятыя, живоначальныя Троицы, и спасительное имя Христа Иисуса, — встрѣчается и въ словахъ, произносимыхъ благословляющимъ священникомъ: *во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*, и въ перстосложеніи руки его, видимо и буквенно изображающемъ имя Христа Спасителя, и въ крестномъ, при семъ творимомъ, знаменіи, указывающемъ на орудіе нашего благословенія и спасенія Христомъ Иисусомъ.

Въ заповѣди Божіей о благословеніи іудейскимъ священникамъ повелѣно возлагать имя Божіе на сыновъ Израилевыхъ и іудейскіе священники возлагали имя Божіе на благословляемыхъ и устами и руками (Быт. 48; 13, 15, 20). Что же касается до благословенія христіанскихъ священниковъ, то образу и способу возлагать въ немъ имя Божіе на благословляемыхъ, Апостолы и слухомъ и зрѣніемъ научились непосредственно отъ Самого благословляющаго всяческая Христа Иисуса, Который, по свидѣтельству евангелиста Луки, въ минуту вознесенія своего на небо, *поднявъ руки Свои, благословилъ ихъ*. (Лук. 24; 50, 51); а они, чему научились сами отъ своего небеснаго Учителя, то и въ такомъ безъ сомнѣнія видѣ передали своимъ преемникамъ.

Однако не теряетъ ли сіе благословеніе своей силы и достоинства отъ недостойныхъ рукъ и устъ священническихъ? Нѣтъ: недостойнство священника въ семъ отношеніи нисколько не повредитъ ни достоинству мірянина-христіанина, ни достоинству благословенія, имъ преподаваемаго. Благое слово Божіе, какъ вообще всякое, такъ конечно и изрекаемое устами и руками священниковъ, по свидѣтельству Апостола, ничѣмъ *не вяжется* (2 Тим. 2, 9), не воспящается, не задерживается и не ослабляется, и ничѣмъ не оскверняется.

Посмотрите на Ваалама, сына Восорова: ослѣпленный сребролюбіемъ, онъ уже совершилъ въ своемъ сердцѣ идолослуженіе, предавшись на сторону врага Божія: ибо сребролюбіе, по Апостолу, есть *идолослуженіе* (Колос. 3, 5). Однакожь и его идолослужительскими устами изречено Израилю благословеніе Божіе чистое,

святое, полное и совершенное. Значитъ, нужно имѣть только души и сердца свои открытыя вѣрою и любовію, благимъ произволеніемъ и благоговѣйнымъ чувствомъ и быть увѣреннымъ, что токи благодати Божіей, чрезъ благословіе священника, положимъ — самаго недостойнаго, проліются въ нихъ чистыми и неповрежденными со всею свойственною имъ силою и дѣйственностію, по мѣрѣ сообразной вѣрѣ христіанина и богоугодной Богу. Христіанину должно заботиться не о томъ, что и сколько своей силы и достоинства теряетъ благословіе отъ недостойнства священниковъ, а о томъ, что и сколько теряетъ онъ, произвольно, по такимъ или другимъ причинамъ, уклоняясь отъ сего благословія, или пріемля оное безъ чувства, безъ мысли, безъ должнаго благоговѣнія, а иногда даже и съ явнымъ пренебреженіемъ, или не больше, какъ съ приличною вѣжливостію, какъ обыкновенный, въ свѣтѣ принятый, знакъ взаимнаго привѣтствія, пожатіемъ другъ другу руки. Какъ много здѣсь христіанинъ теряетъ, сколько и какихъ благъ неощущенныхъ онъ лишается: сколько опасностей и преткновеній, быть можетъ, онъ избѣжалъ-бы, если бы, предпріемля, на примѣръ, путь свой, онъ принялъ себѣ въ напутствіе благословіе священника! Сколько соблазновъ и искушеній къ нему не приблизилось бы, если бы они увидѣли его симъ благословіемъ огражденнымъ, какъ щитомъ непроницаемымъ или какъ стѣною нерушимою! Сколько преступныхъ замысловъ умерло бы въ душѣ его въ самомъ зародышѣ, сколько порочныхъ желаній не родилось бы, сколько намѣреній грѣшныхъ, предпріятій постыдныхъ и погубительныхъ не совершилось бы; сколько словъ праздныхъ и язвительныхъ, шутокъ неумѣстныхъ и оскорбительныхъ не сорвалось бы съ языка, если бы на челѣ и устахъ, на умѣ и сердцѣ христіанина лежала печать сего благословія, приложенная въ лицѣ священника десницею Божіею!

Съ другой стороны, сколько святыхъ желаній, благихъ намѣреній и дѣлъ богоугодныхъ воспитало бы, возрастило бы и укрѣпило бы въ вѣрующемъ, и сколько даже неожиданныхъ пріобрѣтеній доставило бы ему сіе благословіе.

Можно бы, кажется, предполагать, что все сказанное возбуждало бы современныхъ христіанъ стремиться какъ можно чаще и возможно благоговѣйнѣе получать священническое благословіе. Но, увы: дѣйствительность не подтверждаетъ этого предположенія.

Отчего такая непонятная небрежность къ своей собственной пользѣ? О! на это причинъ очень много, и всѣ одна другой хуже. Перечислять ихъ всѣ было бы трудно и даже невозможно. Укажемъ хотя на одну, какъ болѣе прочихъ примѣтную и для всѣхъ другихъ служащую основаніемъ, или по крайней мѣрѣ замѣченную и указанную въ словѣ Божіемъ: это есть *гордость*, происходящая отъ тайнаго или явнаго пренебреженія къ самому званію служителей Божіихъ. Но какъ въ семъ особенно случаѣ тяжко-преступна эта гордость, и какъ вѣрно-гибельна для имѣющихъ ее, можно видѣть изъ словъ Самого Бога законодателя: *А кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ на служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ, тотъ долженъ умереть, и такъ истреби зло Израця.* (Втор. 17, 12). И въ новомъ завѣтѣ Господь Иисусъ Христосъ говоритъ: *Слушающій васъ Меня слушаетъ, и отвергающійся васъ, Меня отвергается.* (Лук. 10, 16). Къ кому говорить? Къ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ ко всѣмъ преемникамъ ихъ, то есть, къ пастырямъ Церкви. А что сіи слова столько же относятся ко всѣмъ вообще священникамъ, сколько и къ Апостоламъ, можно видѣть изъ дальнѣйшихъ словъ изрекшаго оныя: *Истинно, истинно говорю вамъ, сказалъ Спаситель, принимающій того, кого Я пошлю, Меня принимаетъ; а принимающій Меня, принимаетъ Пославшаго Меня.* (Іоан. 13, 20). Итакъ слова Христовы, по Его собственному повелѣнію и объясненію, относятся ко всѣмъ, отъ Него посылаемымъ. А о пастыряхъ и учителяхъ Церкви Христовой въ словѣ Божіемъ прямо сказано, что они не отъ другого кого призываются и совершаются въ своемъ служеніи и званіи, какъ отъ Самого Христа Спасителя: *И Онъ поставилъ однихъ Апостолами, иныхъ пастырями и учителями къ совершенію святыхъ на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова.* (Ефес. 4, 11—12).

Итакъ, противъ кого подъемлетъ чело свое гордый человѣкъ? На кого взираетъ вознесеннымъ окомъ гордыни своя? Кѣмъ пренебрегаетъ и кого презираетъ? Не Самого ли Христа Спасителя и пославшаго Его Бога Отца?

И только въ лицѣ единичныхъ личностей, лучшихъ сыновъ св. православной церкви мы видимъ примѣры достойнаго отношенія къ благословенію. И лучшимъ примѣромъ сему служитъ самъ хозяинъ земли русской — Государь Императоръ. По свидѣтельству печати («Свѣтъ» 1911 г. № 254) во время Овруч-

скихъ торжествъ, привѣтствуемый епископами и священниками, онъ истово бралъ у нихъ благословеніе и цѣловалъ благословляющую руку, какъ простой мірянинъ. Вотъ кому и чему долженъ подражать истинный христіанинъ въ своемъ отношеніи къ священническому благословенію!

Мог. Е. В.

Знаменательный отзывъ судебного оратора о церковномъ краснорѣчїи.

Извѣстный русскій юристъ сенаторъ А. Θ. Кони въ своихъ «Воспоминанїяхъ судебного дѣателя», печатаемыхъ на страницахъ «Русской Старины», дѣлаетъ весьма интересный отзывъ о нашемъ церковномъ краснорѣчїи. Даннаго предмета Кони касается по поводу своихъ сужденій и взглядовъ на судебное краснорѣчіе и находитъ, что по языку и глубинѣ мыслей произведенія нашихъ выдающихся проповѣдниковъ могутъ служить прекрасными образцами и для свѣтскаго оратора. «Во время моего прокурорства, пишетъ Кони, не существовало сборниковъ судебныхъ рѣчей, по которымъ можно было бы подготовиться къ техникѣ рѣчи. Приходилось полагаться на собственныя силы. Уже впослѣдствїи, чрезъ много лѣтъ по оставленїи прокуратуры, я сталъ знакомиться съ русскимъ духовнымъ краснорѣчіемъ и нашелъ въ немъ блестяшіе примѣры богатства языка и глубины мысли. Несомнѣнно, что первое мѣсто въ этомъ отношенїи принадлежитъ митрополиту московскому Филарету, хотя его проповѣди и не согрѣваютъ сердца, какъ нѣкоторыя чудесныя «Слова» архїепископа Иннокентїя, напр. «Слово въ Великій Пятокъ», и не блещутъ широтою взгляда митрополита Макарія. Умъ гораздо болѣе, чѣмъ сердце, слышится въ словахъ Филарета, которыя, подобно осеннему солнцу, свѣтятъ, но не грѣютъ. Но въ нихъ нѣтъ за то ни полемическаго задора Амвросія и Никанора, ни узкой «злопыхательной» нетерпимости нѣкоторыхъ изъ современныхъ проповѣдниковъ. У Филарета поражаетъ чистота и стро-

гость языка и отсутствіе причастій и дѣепричастій и частаго употребленія слова «который», при чемъ у него въ высшей степени проявляется то, что французы называютъ «la sobriété de parole»*), и доведено до виртуозности устраненіе всего излишняго. Онъ самъ опредѣляетъ значеніе живого слова, говоря, что оно можетъ быть *изострено* какъ мечъ — и тогда оно будетъ ранить и убивать — и можетъ быть *измягчено* какъ елей — и тогда оно будетъ врачевать. Его проповѣди исполнены сжатыхъ и красивыхъ образовъ и богаты афоризмами. «*Послушалъ бы молчанія Исакова*», говоритъ онъ, упоминая о своемъ несбыточномъ желаніи посѣтить обитель Св. Сергія при жизни преподобнаго. «Да благословитъ Богъ, — восклицаетъ онъ, — и слово и молчаніе! Да не будетъ слово праздно и молчаніе безсловесно». Или вотъ еще нѣсколько афоризмовъ. «Видѣтъ невидимые, но подлинныя грѣхи человѣку иногда мѣшаютъ видимыя, но мнимыя добродѣтели. — Язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага. — Изъ глубины въ день можно видѣтъ звѣзды — это справедливо — только глубина должна быть крута и чѣмъ глубже человѣкъ въ своемъ смиреніи, тѣмъ яснѣе видитъ небо». Читая Филарета, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ онъ въ сильной и вмѣстѣ сжатой формѣ умѣетъ употребить приемы, уподобленія, повторенія и сравненія, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ началѣ «слова» на Рождество: «Слава Христу Богу, явившемуся въ смиреніи естества нашего, да явитъ намъ образы смиренія. Онъ явился въ вертепѣ, чтобы мы довольны были кельей, — въ яслахъ, чтобы мы не требовали мягкаго ложа, — въ пеленахъ, чтобы мы любили простую одежду, въ *несловесіи* младенческомъ, да будемъ яко дѣти простою и незлобіемъ и да не разрѣшаемъ языка нашего въ празднословіе». Образцы истиннаго краснорѣчія Кони находятъ даже въ Четъи-Миняхъ. «Мученики говорятъ въ нихъ, пишетъ онъ, Діоклетіану, игемонамъ и префектамъ цѣлыя рѣчи, дышашія вдохновеніемъ и исполненныя красоты сильнаго и содержательнаго слова, чему, конечно, способствуетъ и церковно-славянскій языкъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на житіе св. Уара,

заключающее въ себѣ настоящіе перлы краснорѣчія. Сжатость языка, скупость словъ и рядомъ съ этимъ богатство содержанія, въ нихъ влагаемаго, достойны внимательнаго изученія въ Четы-Миняхъ. Какъ много говорятъ, на примѣръ, такія выраженія, какъ «тѣсное и прискорбное житіе», — «общій естества человѣческаго смертный долгъ», — «положить человѣка въ сердцѣ своемъ», — «воевать тайнымъ коварствомъ во образѣ правды», и т. д.».

Достойно вниманія, что, касаясь характера и размѣра судебныхъ рѣчей, Кони счелъ наиболѣе убѣдительнымъ и авторитетнымъ сослаться на того же митр. Филарета, краснорѣчію коего онъ отдаетъ первенство. «Еще до вступленія въ ряды прокуратуры, говоритъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», я интересовался судебными реніями и читалъ рѣчи выдающихся западныхъ судебныхъ ораторовъ, преимущественно французскихъ, но долженъ сознаться, что мало вынесъ изъ нихъ поучительнаго. Ихъ приемы не подходятъ къ природѣ русскаго человѣка, которой чужда приподнятая фразеология и полемическій задоръ. Замѣчаніе митрополита Филарета о томъ, что «народъ нашъ не настроенъ къ напряженному и продолжительному вниманію и что краткое, близкое къ разумнію и сердцу, онъ беретъ, и не роняя, уноситъ», — вполне справедливо по отношенію къ большинству присяжныхъ засѣдателей. Этимъ объясняется частный неуспѣхъ тѣхъ, иногда весьма способныхъ, ораторовъ, которые говорятъ по нѣскольку часовъ, подвергая присяжныхъ засѣдателей своеобразному измору, при чемъ изморъ этотъ приводитъ зачастую къ неожиданнымъ результатамъ».

Даже во взглядахъ на внѣшнюю, или, если можно такъ выразиться, декоративную сторону судебного ораторства, жестикуляцію и чрезмѣрный драматизмъ въ голосѣ оратора, сенаторъ Кони держится принциповъ здоровой гомилетики. «По поводу жестикуляціи, пишетъ онъ, я долженъ замѣтить, что всегда считалъ вполне неумѣстными всякіе жесты и говорилъ свои рѣчи, опираясь обѣими руками на поставленную стоймя книгу Судебныхъ Уставовъ, купленную въ 1864 году, тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ. Не думаю, чтобы рѣзкіе жесты и модуляціи голоса были по душѣ русскимъ

присяжнымъ засѣдателямъ, которые, по моимъ наблюденіямъ, цѣнятъ спокойствіе и простоту въ «повадкѣ» обвинителя... Такимъ приемамъ мѣсто на театральныхъ подмосткахъ. Обвинителю, какъ и проповѣднику, не слѣдуетъ забывать совѣта великаго Петра, въ Духовномъ Регламентѣ: «не надобно шататься вельми, будто весломъ гребеть; не надобно руками сплескивать, въ боки упираться, смѣяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сія лишняя, и неблагообразна суть, и слушателей возмущаетъ».

Таковы взгляды на образцы нашего церковнаго краснорѣчія и принципы послѣдняго, высказываемые лицомъ свѣтскаго происхожденія, свѣтскаго образованія и въ своей служебной дѣятельности мало входившимъ въ соприкосновеніе съ жизнію церкви. Если Кони, послѣ того какъ заслужилъ имя оратора своими судебными рѣчами, находитъ слова нашихъ выдающихся церковныхъ проповѣдниковъ высокими образцами краснорѣчія даже для свѣтскихъ ораторовъ, то не тѣмъ ли съ большимъ вниманіемъ должны изучать эту литературу наши особенно начинающіе проповѣдники. Нынѣ много пишутъ и говорятъ объ оживленіи и поднятіи церковной проповѣди, чтобы сдѣлать ее живымъ и доброполезнымъ словомъ для слушателей — пасомыхъ. Блестящіе ораторы рождаются; а добрымъ словеснымъ учителемъ съ церковной кафедры можно сдѣлать себя путемъ настойчиваго труда и стремленія. Проповѣди нашихъ выдающихся іерарховъ: Филарета и Макарія митр. Московскихъ, Иннокентія, Димитрія и Никанора архіепископовъ Херсонскихъ, Амвросія Харьковскаго, Павла Казанскаго и могутъ быть прекрасными образцами и источниками не только для начинающаго, а и для опытнаго проповѣдника.

Епархіальная хроника.

Экскурсія воспитанниковъ Рижской Духов. Семинаріи въ г. Псковъ. Группа воспитанниковъ духов. семинаріи подъ наблюденіемъ и руководствомъ г. инспек-

тора семинаріи Н. П. Брянцева и преподавателя А. Я. Иосифова и Д. П. Брянцева съ 4 по 7 мая совершили поѣздку въ г. Псковъ, богатый историческими древностями и памятниками, и въ то же время побывали и въ Печерской обители около Пскова для поклоненія Святынямъ этой обители. Эта экскурсія представляетъ не мало научно-образовательнаго интереса въ дѣлѣ знакомства съ памятниками старины и потому въ слѣд. № Еп. Вѣдомостей сообщимъ о ней подробныя свѣдѣнія.

Торжественный крестный ходъ съ чудотворною иконою Божіей Матери изъ г. Митавы въ Спасо-Преображенскую пустынь. Въ маѣ мѣсяцѣ съ 19 по 21-е ч. т. г. совершенъ торжественно крестный ходъ съ Якобштадтскою чудотворною иконою Божіей Матери изъ г. Митавы въ Спасо Преображенскую пустынь во главѣ съ Архипастыремъ Рижскимъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанномъ при участіи многочисленныхъ паломниковъ, главнымъ образомъ, изъ трехъ благочиній Рижскоградскаго, Митавскаго и Зельбургскаго. Описаніе этого событія будетъ напечатано въ сл. № Еп. Вѣд.

Изъ иноепархіальной печати.

Страданіе и злочюченія духовенства въ Отечественную войну 1812 г.

Празднуемый въ нынѣшнемъ году столѣтній юбилей Отечественной войны вызвалъ на страницахъ Калужскихъ, Смоленскихъ и Московскихъ епархіальныхъ органовъ печати воспоминанія о достославномъ служеніи Отечеству въ 1812 году православнаго духовенства, о глубоко-прискорбномъ разграбленіи арміей Наполеона во многихъ мѣстахъ дорогихъ святынь русскаго народа — монастырей и храмовъ и о тѣхъ злочюченіяхъ и страданіяхъ, какія

въ эту годину перенесены были многими изъ православнаго русскаго духовенства.

— Въ „Калужскомъ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ (№№ 6 и 7) помѣщена статья „*Калужская Церковь въ Отечественную войну 1812 года*“. Населеніе Калужской губерніи, какъ видно изъ этой статьи, очень насторожилось, лишь только разнеслась вѣсть, что Наполеонъ, переправившись черезъ р. Нѣманъ, съ главными силами устремился въ Москву. Но особенно стало готовиться къ встрѣчѣ врага населеніе этой губерніи со времени объявленія достопамятнаго манифеста, съ 6 іюля 1812 г. За короткій срокъ было составлено ополченіе въ 15 тысячъ человѣкъ, между которыми находилось много воспитанниковъ мѣстной семинаріи. Въ эти тревожные дни все вниманіе духовенства Калужской епархіи направлено было на подъемъ упавшаго народнаго духа. По инициативѣ преосвященнаго Евлампія, въ кафедральный соборъ принесенъ былъ чудотворный образъ Богоматери, и предъ этимъ образомъ калужане изливали свою скорбь и черпали духовную бодрость. Сформированному народному ополченію вручена была преосв. Евлампіемъ замѣчательная хоругвь, которая сопутствовала ополченію, какъ въ отечественныхъ походахъ, такъ и въ походахъ за границу, — за р. Вислу и къ Данцигу. Въ 1814 г. хоругвь эта возвращена была въ г. Калугу и нынѣ, какъ Памятникъ Отечественной войны, находится въ кафедральномъ соборѣ.

Чрезвычайную тревогу пережило населеніе г. Калуги, когда получилось извѣстіе, что Наполеонъ со всей своей арміей изъ Москвы имѣетъ намѣреніе направиться въ плодороднѣйшія южныя губерніи черезъ Калугу. Калужане приписываютъ заступничеству Божіей Матери недопущеніе Наполеона въ Калугу. Но въ предѣлахъ Калужской губерніи произошелъ ожесточенный Малоярославецкій бой,

священнымъ памятникомъ котораго остается и донинѣ чудесно сохранившійся нерукотворный образъ Спасителя, написанный на вратахъ Николаевского монастыря г. Малоярославца. На монастырскихъ вратахъ и теперь замѣтны незадѣланные слѣды ядеръ, которыя въ сраженіи попадали въ эти ворота, не коснувшись Божественнаго Лица. Движеніе арміи Наполеона по Калужской губерніи всюду оставило слѣды варварскаго разграбленія храмовъ Божіихъ. Отъ полнаго разграбленія храмовъ спасло то, что нѣкоторая церковная утварь была скрыта или въ землѣ, или увезена въ безопасныя мѣста. Свидѣтельствомъ кощунственнаго издѣвательства арміи Наполеона надъ русской святыней служатъ оставшаяся по уходѣ врага надпись на одной церкви г. Малоярославца: „Конюшня генерала Гельсмана“. По уходѣ непріятеля изъ предѣловъ Калужской губерніи, во многихъ приходяхъ духовенство нашло свое хозяйство въ полномъ опустошеніи и испытывало крайнюю нужду. Только въ концѣ 1813 года духовенству выдано было денежное пособіе, а сельскіе причты, кромѣ того, получили еще и сѣмена для полей.

— Возмутительный до глубины души случай кощунства надъ храмомъ Божіимъ и издѣвательства надъ православнымъ священникомъ со стороны Наполеоновой арміи приведенъ въ Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ (№ 3) изъ сохранившихся замѣтокъ протоіерея Смоленской Николаевской церкви А. Васильева о пребываніи французовъ въ Смоленскѣ въ 1812 г. Приводимъ этотъ рассказъ въ сокращеніи. 14 сентября 1812 года соборный ключарь о. Василий Щировскій рано поутру служилъ въ соборѣ утреню. Въ это время въ соборъ вошли болѣе 15 чело-вѣкъ разныхъ націй: генералы, полковники, маіоры и офицеры въ киверахъ, съ молодыми женами или любовницами вмѣстѣ. Съ собой они привели собакъ разной породы; постоявши на амвонѣ, вошедшіе въ соборъ всею

гурьбою, съ собаками, прошли въ царскія врата и стали науськивать собакъ на священнодѣйствовавшего и на поющихъ. Собаки начали рвать священника Василя Щировскаго, прокусили ему до крови руку и ногу, такъ что онъ упалъ предъ престоломъ и не могъ продолжать священнодѣйствія. . . Нѣкоторыя собаки бросились кусать народъ, а начавшія терзать священника такъ остервенились, что одною только водою могли ихъ разогнать. Французы, посмѣявшись сему, ушли, а злосчастный священникъ серьезно заболѣлъ и умеръ.

Неудивительно, что слухи о подобныхъ издѣвательствахъ надъ духовенствомъ заставили многихъ священниковъ Смоленской губерніи стать во главѣ партизанскихъ отрядовъ, истреблявшихъ фуражировъ Наполеоновой арміи и мародеровъ (№ 6 Смол. Е. В.).

Библиографическая замѣтка.

Обзоръ юбилейныхъ изданій, посвященныхъ Отечественной войнѣ.

1. *Е. Поселянина. Сто лѣтъ назадъ. Воспоминанія о 1812 годѣ.* Стр. 32 (8^о). Ц. 7 коп.

Въ видѣ десяти краткихъ рассказовъ въ книжкѣ изложены выдающіяся событія Отечественной войны. Главное вниманіе удѣляется характеристикѣ противоположныхъ настроеній, свойствъ и дѣйствій двухъ противниковъ, сражавшихся сто лѣтъ тому назадъ. Идея книжки заимствована изъ стихотворенія М. Лермонтова, начало котораго и приведено на красиво сдѣланной обложкѣ брошюры:

„Въ шапкѣ золота литого,
Старый русскій великанъ
Подждалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ...“

Книжка обильно украшена иллюстраціями. Изложеніе ея простое и живое.

2. *Я. Борина. Борьба великановъ (Отечественная война).* Стр. 48 (8^о). Ц. 10 коп.

Послѣдняя книжка назначается издателями для школьных народных чтеній. Изложеніе ея удовлетворяетъ такому назначенію. Разказы о событіяхъ 1812 года изложены языкомъ простымъ, картиннымъ и общедоступнымъ. Въ книжкѣ имѣются отдѣлы, напр., о чудесной кометѣ и др., предназначенные исключительно для народа. Какъ и всѣ разсматриваемыя изданія, книжка украшена хорошими иллюстраціями.

3. П. Россіева. *Изнаніе двадцати языкъ. Разказъ о людяхъ и дѣлахъ 1812 г.* Стр. 40 (16⁰). Ц. 5 к.

Въ книжкѣ излагаются событія 1812 года, начиная съ того времени, какъ русскіе стали одолевать французовъ и гнать врага изъ Россіи. Разказъ можетъ быть особенно пригоденъ для солдатъ и для дѣтей. Среди иллюстрацій имѣются (см. ст. 3) снимки съ каррикатуръ на событія 1812 года.

4. Ею же. *Русскіе освобождаютъ Европу.* Ст. 38 (16⁰). Ц. 5 коп.

Въ этой послѣдней брошюрѣ говорится о концѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ въ 1812 году, начиная со времени вступленія русскихъ войскъ въ З. Европу и оканчивая изгнаніемъ Наполеона и умиротвореніемъ ея. Соотвѣтственно разказамъ подобраны здѣсь и иллюстраціи. Среди послѣднихъ имѣются снимки (уменьшенные) съ произведеній лучшихъ художниковъ. Брошюра можетъ служить прямымъ руководствомъ для чтеній народу и школьникамъ.

Всѣ изданія, какъ здѣсь разсмотрѣнныя, такъ и отмѣченныя въ № 10 Еп. вѣдомостей, могутъ быть выписываемы или непосредственно отъ книгоиздательства „Сельскаго Вѣстника“ (С.-Петербургъ Мойка 32), или же изъ Кіевскаго отдѣленія книжнаго товарищества И. Д. Сытина (Кіевъ. Подоль Гостинный Домъ).

Содержаніе № 11.

Отдѣлъ официальный: Высочайшія награды. — Епархіальныя извѣстія. — Архіерейскія служенія.

Отдѣлъ неофициальный: — Какое значеніе для нравственной жизни имѣетъ вѣра въ Иисуса Христа, какъ въ Богочеловѣка, распятаго нашего ради спасенія на Голгофѣ. — Священническое благословеніе (по Библии). — Знаменательный отзывъ судебного оратора о церковномъ краснорѣчии. — Епархіальная хроника. — Изъ иноепархіальной печати. — Библиографія.

И. д. Редактора, преподав. дух. сем. свящ. **Іоаннъ Щукинъ.**

Печ. дозв. 1 іюня 1912 г. — Цензоръ, Каедр. Прот. **Владиміръ Плисъ.**
Типографія Г. Гемпель и Ко. Рига, Крѣпостная ул. № 7.